

которых документально-исторических и летописных сочинениях и компиляциях можно отметить слабые литературные результаты развития данной тенденции, выражающиеся в том, что прилагаемые документы могут получать особые смысловые оттенки благодаря тесной связи с текстом основного произведения.²⁴ Этим отличаются, кстати, самые «сухие» документы среди приложений — «росписи».

Существует, например, записка о польском походе Алексея Михайловича в 1655 г. с приложенной росписью покоренных царем городов.²⁵ В одном из более поздних списков этой записки, относящемся к 1680-м годам и до сих пор не опубликованном,²⁶ прилагаемая роспись городов звучит более торжественно, так как настраивающие на торжественное восприятие слова специально добавлены в этом списке в заглавие

повествование основного документа. К основному тексту пятой челобитной, разбирающей вопросы веры и отношение царя к раскольникам, добавлено три больших рассказа о видениях Аввакума — для подтверждения его правоты перед Алексеем Михайловичем. Если два рассказа являются добавлениями эпистолярного характера, то один рассказ (о видении Аввакума, будто его тело распространилось и охватило весь мир) имеет стертые черты как бы отдельного документального приложения. У него особое вступление — заглавие («царь-государь Алексей Михайлович, — начинает рассказ Аввакум, — хочу тебе сказать, яко мнит ми ся, не коснит господь о кончине моей... Послушай, державне, побеседую ти яко, лицом к лицу», — 763); рассказ начинается с даты, напоминая о начальной формуле записок («Нынешняя 177 году в великий пост, на первой неделе по обычаю моему хлеба не ядох в понеделник...»), в то время как рассказ о другом видении начинается в более обычной манере («Некогда мне молящуся...», — 761). Соответственно различается и дальнейшее повествование в обоих рассказах. Если в одном Аввакум говорит о своем состоянии перед видением в высоком стиле («... и от труда своего аз многогрешный падох на лица своем, плакахся и рыдая горко, и туги великия забыхся»), то о том же в интересующем нас рассказе сообщается в конкретно-документальном плане («в пяток же... прииде на мя озноба зело люта, и на печи зубы мои розбило з дрожи... прости, царю, за невежество мое, от дрожи тоя нападе на мя мыт», т. е. понос, и т. д., — 763). В остальном же рассказ ничем не отличается от эпистолярного добавления.

²⁴ Литературные черты в самих прилагаемых документах, вне связи их с основным произведением, встречаются, конечно, раньше, в особенности примерно со второй четверти XVII в., когда приложения стали добавлять иногда не столько со справочно-обосновательной целью, сколько ради интересных для читателя сведений или выразительных деталей. Например, к известной Повести кн. Катырева-Ростовского 1626 г. автор приложил нечто вроде любопытной «росписи» русских царей под названием «Написание вкратце о царех московских, о образах их, и о возрасте, и о нравех» (РИБ, т. 13, СПб., 1909, стлб. 619—622). Примечательно, что Катырев-Ростовский, в свое время служивший тобольским воеводой, по-видимому, хорошо знал традицию документальных приложений к воеводским отпискам. (За указание сведений о тобольском воеводстве Катырева приношу благодарность Е. К. Ромодановской). Другие примеры: к «Повести о писании известном» 1647 г. о сватовстве датского королевича Вальдемара к дочери царя Михаила Федоровича Ирине приложен «Летописец и родословец вкратце. Почему блаженный памяти царь и государь и великий князь Михаил Феодорович всяя Руссии самодержец имался внук царю Иоанну Василиевичу всяя Русии» (А. Голубцов. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. — ЧОИДР, 1892, кн. 2, отд. II, № 1, стр. 21—22). К Посланию 1652 г. царя Алексея Михайловича Никону приложен статейный список Алексея о смерти патриарха Иосифа, изобилующий чрезвычайно выразительными, иногда даже натуралистическими наблюдениями царя над тем, как болен и умер Иосиф (ААЭ, т. 4, СПб., 1836, № 57, стр. 77—87). В Хронографе 1679 г. к статье о моровом поветрии в Москве в 7162 г. приложена отписка царю о несчастье, добавляющая наглядные детали: «... мертвых телеса во граде и за градом лежат псы влачимаы... и ямы копать некому... А приказы, государь, все заперты...» и т. п. (А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 282). К некоторым спискам конца XVII—нач. XVIII в. Повести о зачале Москвы прибавлены сообщения о надписях на Спасских воротах Кремля (Повести о начале Москвы. Исследования и подготовка текстов М. А. Салминой. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 180, сноска V, 2; стр. 187).

²⁵ Издана по списку из архива Ф. Волконского в ААЭ, т. 4, № 89, стр. 129.

²⁶ ГПБ, Погод. собр., № 1403, л. 655.